

В. К. ЗУБАРЕВА

«СЛОВО О ПОЛКУ
ИГОРЕВЕ»

НОВЫЙ ПЕРЕВОД
С КОММЕНТАРИЕМ

Издательский Дом ЯСК
Языки славянской культуры
Москва 2018

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)1
З 91

Зубарева В. К.

З 91 «Слово о полку Игореве»: Новый перевод с комментарием. — М.: Издательский Дом ЯСК : Языки славянской культуры, 2018. — 100 с., ил. — (Studia philologica. Series minor).

ISBN 978-5-94457-329-2

В книге представлен новый поэтический перевод «Слова...» с комментарием к нему. Концептуальная новизна перевода подробно поясняется в комментарии. Во главу угла автор ставит проблему певца и правителя, анализируя принятие решений героев с точки зрения их целей, ценностей, стратегий и психологии. Всё это проливает свет и на смысл концовки, позволяя неординарно увязать её с началом. Новизна подхода связана не только со стилем перевода, но, в первую очередь, с интерпретацией Бояна, Игоря и Святослава, а также повествователя, которого Зубарева анализирует в качестве ещё одного персонажа.

ББК 83.3(2Рос=Рус)1

*В оформлении книги использованы иллюстрации
Владимира Фаворского*

*Источник: Юрий Халаминский. Владимир Андреевич Фаворский.
М., Издательство «Искусство», 1964*

ISBN 978-5-94457-329-2

© Зубарева В. К., 2018

© Языки славянской культуры, 2018

Содержание

От автора 4

I. Певец и правитель в «Слове о полку Игореве».

Комментарий к новому переводу

Боян да Ходына 6

При чём тут Боян? 9

Автор, повествователь... Какая разница?.....12

Вопрос – для чего?.....15

Велесовь внуче 18

Герой или не герой? 21

Несколько исторических ссылок всё же не помешает.....23

«Ум князя уступил желанию».....26

Для чего ему это было нужно? 28

Возвращение блудного Игоря 32

II. «Слово о полку Игореве». Перевод

Слово о полку Игореве.....37

III. The Song of Prince Igor's Campaign

Translation by A. Riasanovsky.....64

ОТ АВТОРА

Путь этой книги был достаточно долгим. Он начался ещё в докторантуре Пенсильванского университета, на лекциях профессора русской истории Александра Рязановского. Концептуальное понимание взаимоотношений правителя и народа, типа лидеров и того, как происходит принятие решений, появилось в процессе бесед с одним из руководителей моей докторской диссертации профессором Ароном Каценелинбойгеном. Памяти моих учителей, А. Рязановского и А. Каценелинбойгена, я и посвящаю эту работу.

Впоследствии мои изыскания, включая стихотворный перевод, были переведены на английский двумя профессорами. Александр Рязановский перевёл поэтическую часть, а Фрэд Патон — комментарии к ней. В память об Александре Рязановском помещаю в третьей части книги его перевод на английский моего перевода, сделанный для первого издания. В течение лет, отделявших первое издание от нынешнего, кое-что переосмысливалось в комментариях к переводу, да и сам перевод претерпел некоторые изменения. Новая версия появилась в 2015 г. на сайте Фонда «Новый мир» стараниями Владимира Губайловского, не только одоббившего концепцию перевода, но и представившего её в лучшем виде — благодаря дизайну, который он сделал по рисункам Владимира Фаворского (Прим.). Приношу ему свою искреннюю благодарность, а также благодарность Ирине Бенционовне Роднянской за за ряд замечаний во время работы над окончательной версией рукописи.

Юрий Халаминский. Владимир Андреевич Фаворский. М.,
Издательство «Искусство», 1964

І. Певец и правитель в «Слове о полку Игореве»

Комментарий к новому переводу

Охват «Слова» в чём-то соприкасается с «Божественной комедией» — в нём есть и своя Беатриче, и блуждания героя в сумрачном лесу событий и мыслей, и счастливая развязка с движением к Божественной ипостаси (святой Богородице Пирогощей). И при этом необыкновенная метафоричность и многоплановость ракурсов, включающих, помимо исторического, духовный, культурный, литературный, психологический, политический и религиозный. Отдавая дань многочисленным исследованиям исторического, географического и лингвистического толка, связанным с вопросами подлинности «Слова», мы сосредоточимся на другом — на меседже, который оно несёт: не прямо, не идеологически, а выстраивая мозаику из ментальностей, подтекстов и метафор.

Боян да Ходына

Вопрос о том, кто же является героем «Слова», мне довелось решать в связи с поэтическим переводом, который я отважилась сделать, напоминая себе самой князя Игоря, выступающего на многочисленное войско половецкое. Тем не менее, не только эмоции владели мной в часы сопричастности к событиям русской старины. Увлекла редкая возможность осмыслить некоторые скрытые аспекты «Слова» как на поэтическом, так и аналитическом уровне.

Круг проблем, которые решал вдохновенный автор «Слова», достаточно широк, но, несомненно, он включает в себя и вопрос о том, как формируется направление государства, как отбирается кандидатура на роль героя и какова роль певца и правителя.

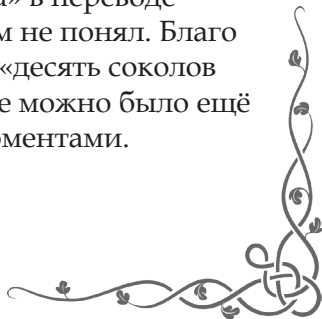
К удивлению многих, «Слово» начинается не с похода Игоря и даже не с описания его предпосылок, а с пространного рассуждения, не имеющего прямого отношения к событиям, о том, какой стиль был бы более уместным для повествования. Д.С. Лихачёв, правда, пояснил эту странность, ссылаясь на жития и проповеди, для которых подобные отступления обычны, но всё равно не убедил, поскольку в приведённых им примерах речь идёт о текстах церковно-религиозного содержания.

Пишущие их были озабочены не стилем, а приближением к Мудрости, к Логосу через речение великих учителей и через добродетели. А «основная добродетель пишущего — смирение, отвержение от собственной воли, умаление собственных сил»¹. «Велика учителя и мудра сказателя требует церкви на украшение праздника. Мы же нищи есмы словом и мутни умом, не имуще огня Святаго Духа на слажение душеполезных словес <...>», — пишет в своей вступительной части к «Слову на Фомину неделю» Кирилл Туровский, которого цитирует Д. Лихачёв².

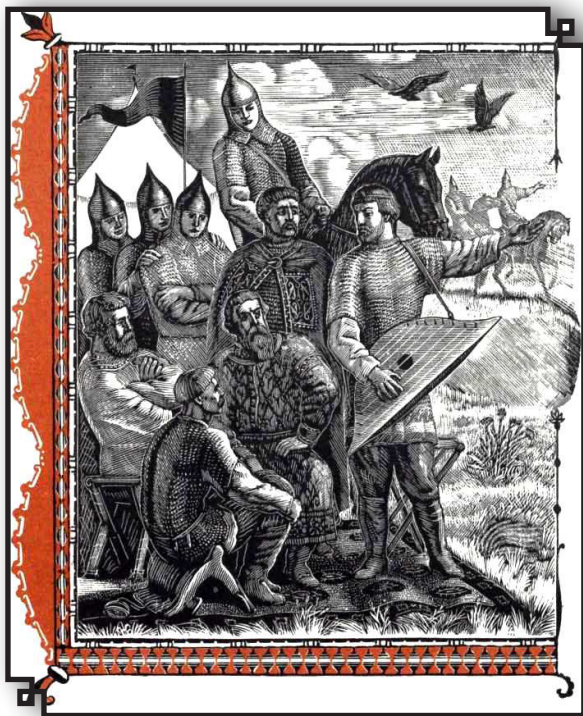
Во вступлениях такого рода пишущие «проявляют смирение в трудах своих», веруя, что «произведение создаётся не по хотению автора, <...> но по послушанию»³. В «Слове» подобная логика не выстраивается.

Короче говоря, коммерческий издатель изъясил бы вступительную часть «Слова» без особого ущерба для самой истории. И, с точки зрения массового читателя, был бы прав. Наверное, был бы прав и с точки зрения историка, которому вот именно эта часть ну никак, ну ни о чём существенном в смысле Игоревы похода не говорит.

«И чего он взъелся на этого Бояна? Чем он ему мешал?», — так или почти так думалось мне и моим школьным друзьям, бегло ознакомившимся с начальными страницами «Слова» в переводе Жуковского. Никто ничего толком не понял. Благо что учительница разъяснила про «десять соколов на стадо лебедей», да и в учебнике можно было ещё раз ознакомиться с основными моментами.

В университете, конечно, восприятие было уже другим, но вступление о Бояне оставляло всё то же ощущение чего-то лишнего, не связанного с целым, искусственного по отношению к этой истории. Понимание органичности этой части пришло гораздо позже — можно сказать, совсем недавно.

При чём тут Боян?

Достаточно полный обзор интерпретаций этого образа был сделан в своё время Дмитрием Лихачёвым. Начиная с Радищева, называющего Бояна «сладчайшим певцом», характеристика этого песнотворца практически не меняется. Для Жуковского Боян – «радость древних лет»; у Пушкина он – «сладостный певец». «В творчестве поэтов декабристского круга <...> к

традиционному восприятию Бояна прибавляется характеристика его как певца-гражданина, патриота»⁴.

Середина XX века не вносит существенно нового понимания в образ Бояна. Н. Гербель нисколько не отступает от привычного стереотипа вещего Бояна («Боян вещим духом обоян»), так же, впрочем, как и Л. Мей, который в своём стилизованном переводе «Слова» обращается к Бояну: «Ох, ты гой-еси гремучий соловей Боян!». Те же тенденции в трактовке Бояна присутствуют и в переводе Заболоцкого («Тот Боян исполнен дивных сил», «О Боян, старинный соловей!», и т.п.).

Тем не менее, образ Бояна в «Слове» не столь однозначен. Из ссылок на его песни (их приводит безымянный повествователь-бард) видно, что этот толкователь исторических событий представляет историю как ряд выхолощенных и расцветенных героических эпизодов, не отражающих в полной мере исторических событий. Против чего и возражает повествователь «Слова», призывая следовать «былинам времени», а не вымыслу («Пусть начнется же песнь эта по былинам нашего времени, а не по замыслению Бояна»⁵).

Речь, однако, не только о «старой поэтической манере Бояна»⁶, соответствующей «духу развивающегося русского героического эпоса»⁷. За слогом и пафосом кроется определённая ментальность. Об этом свидетельствует и символика соколиной охоты в описании творческого метода Бояна. («Тогда напускал десять соколов на стадо лебедей»).

Сокол, как известно, отличается зоркостью и добычу свою видит издалека. Так же и Боян точно избирает цель для своего поэтического вдохновения. При этом следует учитывать, что он — княжеский певец. И не просто княжеский, а «любимец», как его называет — возможно, иронически, — бард-оппонент.

Статус придворного любимца накладывает на поэта определённые обязательства: он должен обладать политической прозорливостью, идти в идеологическом фарватере и безошибочно угадывать официальный курс.

Опытный, умеющий потрафить правителю, Боян был, несомненно, искущён в придворной политике, что помогло ему пережить несколько княжеских правлений (он назван песнотворцем «старого времени Ярослава» и любимцем «Олега-князя»). Это тип певца, создающего при помощи накатанных приёмов картину, направленную на возвеличивание власть предержащих.

Повествователь не осуждает Бояна, но даёт понять, что подобный подход ему чужд. В части, где говорится о выступлении Игоря на половцев, он фактически пародирует стиль Бояна, показывая, как бы спел об этом известный стихотворец:

*О Боян, соловей старого времени!
Вот бы ты походы те воспел,
скача, соловей, по мысленному дереву,
летая умом по подоблачью,
свивая славу обеих половин сего времени,
рыща по тропе Трояна
через поля на горы.
Так бы пришлось внуку Велеса
воспеть песнь Игорю:
“Не буря соколов занесла
через поля широкие –
стаи галок бегут
к Дону великому”.
Или так бы начать тебе петь,
вещий Боян,
Велесов внук:
“Кони ржут за Сулою –
звенит слава в Киеве;
трубы трубят в Новгороде –
стоят стяги в Путивле!”*

Итак, различие между певцами в том, что повествующий не является княжеским песнотворцем. Почти о том же пишет и Д. Лихачёв: «Автор “Слова” не чувствует себя человеком зависимым, подневольным, выполняющим чей-то заказ»⁸. Только у Лихачёва, заметим, речь идёт об авторе, а у нас — о повествователе.

Автор, повествователь... Какая разница?

Разница есть. И порой она столь существенна, что я предпочитаю и в данном случае их разделить. В самом деле, нам ничего не известно об авторе, и гипотезы о нём могут быть разными. Он может быть как свободным художником, так и придворным песнотворцем, анонимно написавшим «Слово». Более того, он может быть и частично анонимным, т.е. его анонимность может быть открыта великому князю, но по каким-то причинам скрыта от

его окружения, и наоборот. В отсутствие фактов может быть сколь угодно много догадок.

О повествователе известно куда больше. Во-первых, он живёт в то же время, что и герои его повести, что совсем не обязательно для автора. Б.И. Яценко сомневается, мог ли «автор “Слова” возводить князя, опозоренного неудачей, в ранг народного героя»⁹.

Его ответ: «Конечно, не мог ни в 1185 г., ни даже в 1187 г., когда еще были свежи воспоминания о неудачном походе и не все воины вернулись из плена. Мысль о том, чтобы использовать сюжет похода 1185 г. для прославления князя Игоря, могла появиться у автора “Слова” немного позже. <...> Автор может рассказывать о событиях, вспоминая о дедовской и прадедовской славе. Слава не умирает, а как бы переходит в наследство потомкам»¹⁰.

Во-вторых, герои, о которых ведёт речь повествователь, поданы как реальные фигуры, они якобы существуют в его пространстве. С автором это вовсе не обязательно. Даже если он и современник изображаемых исторических событий, его герои могут быть и вымышленными (частично или полностью)¹¹.

Автор — тот, кто стоит за композицией, архитектурой, героями, повествователем и подтекстом, проявляющимся в деталях. Повествователь знает немного больше тех, о ком он повествует, но ему не дано всевидящее око автора. Разделяя автора и повествователя, мы существенно упрощаем задачу, вынося за скобки вопросы подлинности, хронологии и т.п.

Например, исследователи «Слова» не раз указывали на несоответствие даты затмения и похода Игоря (затмение было только на девятый день, тогда как в «Слове» поход Игоря с него начинается)¹².

Знал ли об этом автор? Неизвестно.

Повествователь точно не знал — он из другого, неисторического, пространства, где сосуществуют и Боян, и века Трояна (вопрос о Трояне до сих пор не решён однозначно)¹³, и исторические фигуры, не произносившие, однако «золотых слов», и многое другое.

Посему не следует попадаться на удочку, доверяя с первых строк повествователю, будто именно он и будет всё излагать «по былинам времени»¹⁴, а не по «замышлению» своего создателя — автора «Слова». Так, говоря о дате затмения, Б.И. Яценко поясняет несовпадение тем, что «в “Слове” солнечное затмение имеет иной смысл, чем просто описание конкретного астрономического явления.

Тема борьбы света с тьмой, традиционно-библейская в своей основе, проходит через все произведение, и солнечное затмение в “Слове” не только и даже не столько — воспроизведение реального события, сколько поэтический образ»¹⁵.

Это вновь льёт воду на нашу мельницу, подтверждая, что метафора в «Слове» превалирует над историческим фактом. И происходит подобное, заметим, не однажды, поскольку, как отмечает Д. Лихачёв, хотя у автора «Слова» и есть исторические представления, но они «являются представлениями поэта, а не историка»¹⁶. А раз так, то, значит, мы должны быть готовы к тому, что нас будут частично обманывать.

Вопрос — для чего?

Оказывается, мы погружены в полувывымышленное пространство-время, проистекающего из писательского замысла, пока неясного, словно автор захотел столкнуть лбами историков и литературоведов. Факт: «Слово» начинается с вопросов литературных. Не факт: по «Слову» можно сверять исторические события того периода. Как быть? Соломоново решение — руководствоваться художественным замыслом,

пытаясь его прочесть и понять.

Исследователи не раз отмечали, что «традиционно-библейская основа» «Слова» переплетается с языческими образами. И хотя, по словам В. П. Андриановой-Перетц, «достигнутые результаты позволяют прийти к неоспоримому выводу: “Слово о полку Игореве” — литературное произведение»¹⁷, сугубо литературоведческой интерпретации этому факту не было дано. Начиная с Н. Ф. Грамматина и Ф. И. Буслаева, языческие образы в «Слове» трактуются либо как чисто риторические фигуры (Грамматин), либо как исторические свидетельства остаточных следов язычества в древнерусской культуре (Буслаев и другие). Более концептуальный ответ вырисовывается при сопоставлении языческих кусков и поиске их общего знаменателя.

